

Сукуна перерыл всё вокруг. Ни следа, ни зацепки — Харе словно испарился, будто его никогда и не было на свете.

Лишь вернувшийся в тело палец хранил память о случившемся, да на коже самого Короля проклятий ещё не затянулись царапины, оставленные мальчишкой. Не будь их, даже он решил бы, что всё это — лишь морок, безумное наваждение.

"Нелепый, дурацкий сон"

И от одного этого предположения Сукуну брала лютая злость.

Что бесило ещё сильнее: едва обнаружив пропажу, он сразу понял, что мелкий сбежал. Он знал, что сопьяк способен перемещаться между мирами, знал, что его собственная реальность — лишь одна из многих в бесконечных странствиях Харе. И осознание этого лишь подливало масла в огонь. Уйти не попрощавшись — вполне в его духе.

"Проклятый паршивец!"

"Какого чёрта он заставил меня почувствовать себя... брошенным?"

Пока Сукуна бесцельно метался в поисках, великие кланы как раз завершили совет, договорившись о совместном походе против Короля проклятий.

Тем временем сам беглец пребывал в куда большем замешательстве.

Харе вовсе не собирался бросать своего грозного сожителя. Он всего лишь хотел воспользоваться пребыванием в Хэйан-кё, чтобы наловить про запас проклятых духов посильнее. Однако вместо добычи ему прямо в лицо прилетел бумажный журавлик.

На нём красовалось длинное послание. Отправители заботливо учли, что обычное зрение у парня не работает, и вывели иероглифы краской, замешанной на проклятой энергии. Суть сводилась к следующему: «Сукуна — законченное чудовище. Но мы видим, что в тебе ещё осталось что-то человеческое, и подозреваем, что ты примкнул к нему не по своей воле. Приглашаем тебя в наши ряды!»

Харе лишь усмехнулся. Он уже собирался прихватить эту записку, чтобы всласть поиздеваться над Сукуной, как вдруг оступился. Земля ушла из-под ног. Проклятая энергия в теле бешено забурлила, а когда он наконец рухнул на твердь, в нос ему ударил густой, удушливый запах свежей крови и тошнотворный смрад гниющей плоти.

По ощущениям, летел он долго и с приличной высоты, однако приземление вышло на удивление мягким. Поверхность под ногами пружинила, словно сырое тесто. Сначала Харе подумал, что это болотная жижа, но когда попытался выбраться, ладони наткнулись на чьи-то оторванные руки, безголовые торсы и холодные черепа. Пальцы скользнули по склизкой, разлагающейся плоти.

До него наконец дошло: он приземлился на гору мертвецов.

Это был огромный могильник. Холмы из трупов громоздились вокруг; разглядеть их очертания Харе не мог, но отчётливо видел фосфоресцирующие шлейфы остаточной проклятой энергии. Эпоха Хэйан по праву считалась золотым веком магии: сильные шаманы, свирепые проклятия. Судя по всему, эту кровавую баню устроила какая-то тварь.

Ну что ж, тем лучше. Он как раз собирался пополнить свои запасы, и сильный противник пришёлся бы весьма кстати.

Быстро свыкшись со своим положением, парень пошёл по следу из проклятых эманаций. Идти оказалось неожиданно легко — огромная тварь буквально просекла просеку сквозь все препятствия, оставив под ногами лишь крошево из камней и костей. Кругом царила гробовая тишина, нарушаемая лишь шорохом его собственных шагов.

Вскоре следы сгустились, обещая скорую встречу. Харе прибавил шагу, и впереди замаячил исполинский силуэт.

— Ого, какая туша. Неплохо, — прищурился он.

Однако радость его улетучилась в то же мгновение. Стоило подойти ближе, как уголки его губ разочарованно опустились. Тварь была мертва.

Приближаясь, он заметил, как от гигантского силуэта отделяются мерцающие искры — проклятая плоть распадалась на глазах. Туша была рассечена на несколько частей. Каждый срез сверкал идеальной, почти зеркальной ровностью. При виде таких ран в голове Харе всплыло лишь одно имя.

— Неужели Сукуна постарался?

Едва сорвались слова с его губ, как за грудой распадающейся плоти шевельнулась крошечная тень. Она резко повернулась в его сторону, и воздух со свистом рассекли невидимые лезвия. Смертоносные секущие удары обрушились на него, перекрывая пути к отступлению.

Почерк был узнаваем до боли. Вот только атака оказалась куда слабее, чем обычно.

Ошеломлённый Харе замер на месте, даже не попытавшись уклониться. Острые лезвия

полоснули по телу, окрасив одежду кровью, но он, игнорируя вспыхнувшую боль, ошарашенно уставился на притаившийся впереди живой комочек. Красивые губы парня дрогнули.

— Да ладно...

Неужели в этом мире есть ещё кто-то с четырьмя руками, четырьмя глазами и точно такими же отметинами на лице? С абсолютно идентичной проклятой энергией и техникой? Какова вероятность подобного совпадения? Она стремилась к нулю.

Тогда кто этот свирепый, насуспенный карапуз перед ним?

Пока Харе в полном оцепенении разглядывал находку, мелкий огрызок платил ему тем же — зыркал исподлобья диким, зверёнышьям взглядом, всем своим щуплым тельцем выражая готовность драться до последнего. Кроха явно сомневался. Его глаза метались от быстро затягивающихся порезов на груди чужака к скопившимся вокруг его глаз бабочкоподобным проклятым духам.

Кто перед ним? Шаман, пришедший прикончить его, или очередная тварь, желающая сожрать?

Но сильнее всего мальчика сбивал с толку запах. От незнакомца разило его собственной проклятой энергией. И это не был мимолётный след от удара или случайного столкновения — нет, запах был густым, въевшимся, словно они обнимались или долго находились рядом.

Как такое возможно? Маленький урод был уверен, что видит этого человека впервые.

"Очередная иллюзорная техника?"

Не успел малец додумать, как незнакомец вдруг расплылся в улыбке и поднял указательный палец.

— А-а, всё ясно! Ты — внебрачный сынишка Сукуны!

И ровно в секунду, когда в него полетел очередной невидимый клинок, Харе небрежно опустил руку, будто заранее просчитал траекторию удара.

Малыш насупися ещё сильнее. Он понятия не имел, кто такой этот «Сукуна». Видимо, чужак действительно обознался. Но убирать этого придурка всё равно придётся — он слишком опасен.

"Вдруг это ищейка, подосланная тем самым проклятым кланом, что выбросил меня подыхать?"

Крошка Сукуна незаметно коснулся левого бедра. Проклятая тварь едва не откусила ему ногу: сломанная кость неестественно выпирала под кожей, причиняя дикую боль. Да и живого места на нём практически не было — старые и новые раны покрывали всё исхудавшее тело, где-то уже запеклась кровь, а где-то плоть начала подгнивать.

А вот его противник отделался лишь парой царапин, которые к тому же затягивались на глазах.

Зверёныш лихорадочно прикидывал шансы. Убить на месте или бежать?

Харе потряс ладонью, которой чуть не лишился из-за чужих атак, оторвал кусок плоти от наполовину растворившейся туши проклятия и бесцеремонно засунул в рот.

— Ну нет так нет, чего злиться-то? — прошамкал он и кинул ещё один сочный кусок мелкому:
— На, будешь?

Мясо не успело долететь — прямо в воздухе его нашинковало аккуратными ломтиками.

Зверёныш насупился пуще прежнего. Не говоря ни слова, он уставился на то, как стремительно заживают порезы на теле чужака. Вывод напрашивался сам собой: с этим монстром ему пока не сладить. Надо уходить.

Решимости и выносливости мелкому было не занимать. Невзирая на раздробленную кость, он резко крутанулся на пятке и рванул прочь с невероятной для калеки прытью.

Проследив взглядом за его ковыляющим силуэтом, Харе нахмурился, заметив вывернутую ногу. Он мгновенно сложил пальцы в печать.

— Техника прямого вращения: Притяжение!

Бледно-голубая волна проклятой энергии разорвала воздух, мягко захлестнув беглеца. Харе ювелирно рассчитал силу, лишь ограничив движения мальчишки.

Крошка Сукуна среагировал мгновенно — даже попав в невидимый капкан, он умудрился развернуться лицом к преследователю, не подставив спину под возможный удар. На его искусанной мордашке отразилось неподдельное изумление. Глаза округлились, и Харе невольно залюбовался этой картиной — до чего же забавный малец. Улыбнувшись, он в один миг сократил расстояние и опустился перед ним на корточки.

— Ты вылитый Сукуна, только карманного формата. И такой же невыносимый гордец, — протянул Харе, разглядывая кроху. Появление этого маленького чуда почему-то подняло ему настроение. — Как звать-то тебя, малец?

В ответ — лишь глухое молчание. Этот ребёнок, которого с самого рождения клеймили чудовищем и чья мать давно сгинула в неизвестности, не привык откровенничать.

— Немой, что ли? Или просто не понимаешь? — Харе склонил голову набок и покосился на его изувеченное бедро. — И зачем было бежать с такой раной? Я же тебя не съем.

Зверёныш смерил его презрительным взглядом, в котором так и читалось: «Да неужели?» — ведь он только что видел, как этот тип уплетал сырое мясо проклятия. Поняв, что оправдание звучит паршиво, Харе вздохнул.

— Ладно, просто поверь: вреда я тебе не причиню. Обратной проклятой техникой я не владею, но знаю одного парня — точную твою копию, — который мигом тебя подлатает. Так что пойдём лечиться.

Закончив эти односторонние переговоры, он скинул хаори и набросил на плечи замершего паренька. Одежда обоих оставляла желать лучшего — у Харе рукава промокли от трупного сока, но это было всяко лучше, чем ничего. На ребёнке взрослая накидка висела мешком, но Харе ловко оборвал её по краям, где ткань уже была посечена ударами, и приладил импровизированный наряд.

Широкие рукава надёжно скрыли лишнюю пару рук, а из остатков прочной ткани получился отличный бандаж для сломанной ноги. Всё это время зверёныш, похожий на потрепанную куклу, молча сносил его прикосновения, не издав ни звука, даже когда Харе затягивал узлы на израненном бедре. Эта молчаливая стойкость кольнула сердце Харе, напомнив ему собственное детство. Голос его невольно потеплел.

— А теперь води меня туда, где живут люди. Отмоемся, сменим эти обноски, а там уже сообразим, как вернуться к Сукуне.

Малыш моргнул, будто соглаясь. Харе бережно подхватил его на руки и развеял технику. И в то же мгновение зверёныш в его руках сорвался с цепи — рванулся всем телом и с диким рычанием вцепился зубами в его предплечье, явно намереваясь вырвать кусок мяса.

— Ну уж нет, — Харе перехватил его за подбородок, не позволяя сжать челюсти. — Мою кровь тебе пить нельзя. Кто знает, как твоё тело отреагирует — вдруг повторится то же, что и с тем, взрослым? Так что давай без этого...

Договорить он не успел. Руку пронзила острая боль — вторая пасть, расположенная на животе мальчишки, оказалась куда проворнее.

Харе поморщился.

"Ах ты ж паршивец мелкий!"

Через минуту обе пасти неугомонного существа были надёжно завязаны обрывками ткани. Харе крепко прижал брыкающийся кокон к себе, оставив открытыми только глаза, чтобы тот мог указывать дорогу. Лишь тогда зверёныш немного притих.

— Точно его отпрыск. Стоит только зазеваться — сразу норовит исподтишка цапнуть! Такой же мерзкий характер, — ворчал Харе, шагая сквозь заросли.

Однако на полуслове его голос дрогнул, а в груди защемило. Маленький ребёнок, живого места нет, а оцетинился, словно дикий ёж. Это сколько же ему пришлось... натерпеться?

Взращённые в тепле цветы не умеют рвать когтями глотки. Столкнувшись с чужой добротой, они не ищут подвоха и не думают, как подороже продать свою шкуру. Они знают, что такое любовь, потому что их любили.

Харе замолчал. Он осторожно погладил малыша по затылку. Короткие волосы слиплись от засохшей крови и кололи ладонь, словно сосновые иглы. Но он не убрал руки, лишь тихо вздохнул.

— Давай без глупостей. Просто показывай дорогу.

Попавший в плен маленький уродец сверкал из-под повязки налитыми кровью глазами. Он был уверен: у этого человека либо усохли мозги, либо он замышляет нечто изощрённо-жестокое. Силы были неравны, оставалось только затаиться. И пускай чужие руки грели на удивление приятно, расслабляться нельзя — это наверняка ловушка. В мире, где выживает сильнейший, уязвимость карается смертью.

"Ничего... Я дождусь своего часа и перегрызу тебе горло"

Он замер, словно хищник, втянувший когти перед прыжком. А Харе шёл вперёд, не обращая внимания на исходящую от него немую угрозу.

Насчёт «показывай дорогу» Харе погорячился — малец не проронил ни звука. Лишь на перепутьях он нехотя дёргал спасителя за край рукава, указывая направление.

К исходу дня они наконец вышли к уединённой крестьянской усадьбе. Харе поплотнее прикрыл своего спутника лапами хаори и заговорил с хозяином дома, держась на почтительном расстоянии. Благодаря его благородному виду и мягким манерам, крестьянин, хоть и с опаской, разрешил путникам воспользоваться купальней на заднем дворе.

Уходя, взрослый Сукуна предусмотрительно набил кошелёк Харе монетами. Стоило парню достать серебро, как настороженность хозяев сменилась услужливостью: они тут же вызвались приготовить горячую похлёбку и велели сынишке натаскать тёплой воды.

Приведя себя в порядок и перекинувшись парой слов с хозяином, Харе застыл как громом поражённый. Всё сошлось, но осознание истины выбило почву у него из-под ног.

Он переместился во времени.

Это был не тот Хэйан-кё, откуда он пришёл, а куда более ранняя эпоха. Видимо, пространственный провал отбросил его на добрый десяток лет назад...

Харе медленно опустил взгляд на мальчишку, которого только что отмыл дочиста. От паренька теперь пахло дешёвым мылом, но в его глазах по-прежнему горел дикий, хищный огонёк.

Харе молчал, не в силах вымолвить ни слова.

Ну конечно. Какая, к чёрту, копия? Какой ещё внебрачный сын?

"Твою же мать... Да это же сам Сукуна!"

<http://bllate.org/book/19043/2005252>